

Пространства ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО правосудия

* Настоящая статья публикуется по источнику:
Wachtel, T. (2016). Governance and the use of authority:
encompassing diverse definitions of "Restorative". Newsletter
of the European Forum for Restorative Justice 17(3): 7—10.

**Что мы
понимаем
под восстано-
вительными
практиками,
и как
это понимание
может
изменить мир**

В эпоху глобализации и торжества систем-ного подхода, когда мы привычно делегируем свои права и ответственность вышестоящим инстанциям, становясь, по существу, равнодушными винтиками большого механизма, восстановительное правосудие и, шире, восстановительные практики — это, возможно, один из важнейших инструментов, позволяющих вернуть человеку власть над своей жизнью и ответственность за нее. Именно об этом — статья Тэда Вочтела, основателя Международного института восстановительных практик, которую мы сегодня предлагаем вашему вниманию.

Тэд ВОЧТЕЛ

Различные определения

«Стало привычным утверждать, что восстановительному правосудию не может быть дано точное определение»¹. Но все-таки в настоящей статье мы попробуем проанализировать и объединить различные определе-

ния, предлагаемые целым рядом «ресторативистов», то есть сторонников и исследователей восстановительного правосудия².

Например, Катлин Дейли (Kathleen Daly), будучи криминалистом, предпочитает давать восстановительному правосудию узкое определение «механизма отправления правосудия». Надо сказать, что Катлин — американка, приехавшая в Австралию в начале 1990-х годов для проведения оценки программ восстановительного правосудия — и оставшаяся там. Она пишет: «Популярность этой идеи

¹ Daly, 2016, 9

² Marder, 2016

**Люди чувствуют себя более счастливыми, более
склонны к продуктивному сотрудничеству и внесению
позитивных изменений в своё поведение, когда
представители власти действуют вместе с ними,
а не совершают действия в отношении них или для них**

оказала влияние на широкий спектр гуманитарных и социальных наук... Поэтому анализ определений, практики и результатов здесь принимает разные формы в зависимости от той области знания, в которой работает анализирующий, и его исследовательских интересов»³. Дейли приходит к выводу, что популярность и разнообразие форм восстановительного правосудия значительно усложняют задачу собрать воедино его определения, что влечёт за собой трудности для эмпирического и теоретического исследования. «Как понятие, восстановительное правосудие стало слишком обширным и неопределённым»⁴, — заключает она.

С другой стороны, клинический психолог Иллинойского Университета Элейн Шпунгин (Elaine Shpungin)⁵ предпочитает мыслить значительно шире о «восстановительной революции... в наших подходах к правосудию, правонарушению, наказанию, преступлению и ежедневным конфликтам между обычными людьми... преобра-

зовательной, охватывающей всё общество, изменяющей перспективы всеохватной революции в масштабе, сравнимом с движением 1960-х годов за гражданские права и права женщин, революции в нашем мышлении о том, кем мы являемся и как мы вместе живём, работаем и любим».

Европейский форум за восстановительное правосудие (European Forum for Restorative Justice — EFRJ) несколько раз в своей истории обращался к обсуждению необходимости более широкого определения восстановительного правосудия. В частности, Форум отказался от использования содержащего чёткую формулировку названия «медиация между жертвой и правонарушителем», но отвергает и идею изменения названия на «восстановительные практики». Тем не менее, Форум предоставляет на своих конференциях, проходящих раз в два года, широкую площадку для обмена мнениями среди заинтересованных лиц, включая преподавателей и других специалистов, чьи интересы лежат за пределами уголовного правосудия. На общем собрании участников, предшествовавшем недавней конференции в Лейдене, член правле-

ния Форума Тим Чапман (Tim Chapman)⁶ представил доклад, в котором предлагалось «расширить рамки восстановительного правосудия» и включить в него не только правосудие, но также «безопасность, установление мира, поддержку семей, защиту прав и благополучия детей и деятельность организаций». Формулировка данного определения, если она будет принята в таком виде, откроет также дверь для вовлечения Форума в активные восстановительные процедуры не только в случаях «причинения вреда», но и в случаях наличия «угрозы причинения вреда».

Международный институт восстановительных практик (International Institute for Restorative Practices — IIRP) уже давно определяет восстановительное правосудие как разновидность восстановительных практик, проводя таким образом различие между этими двумя понятиями. Мы обнаружили, что учебные заведения и агентства социальной защиты более восприимчивы к слову «практики», нежели к слову «правосудие». Мы определили восстановительное правосудие как ответные меры на преступления и другие правона-

3 Daly, 2016, 11

4 Там же.

5 Shpungin, 2011

6 Chapman, 2016

рушения после их совершения⁷. Для целей криминологических исследований наше определение восстановительного правосудия согласуется с определением Дейли — как «механизма», представляющего собой «встречу (или несколько встреч) вовлечённых лиц, проводимую одним или большим количеством незаинтересованных лиц, ... на всех стадиях уголовного процесса — до ареста, при отклонении от уголовной процедуры, до вынесения приговора, после вынесения приговора, — а также в случаях правонарушений или конфликтов, не доведённых до сведения правоохранительных органов»⁸. Однако, по мнению Института, восстановительные практики имеют более широкое значение, включая как формальные, так и неформальные стратегии активного построения взаимоотношений и формирование чувства общности, что предотвращает возникновение конфликтов и правонарушений в любых обстоятельствах⁹.

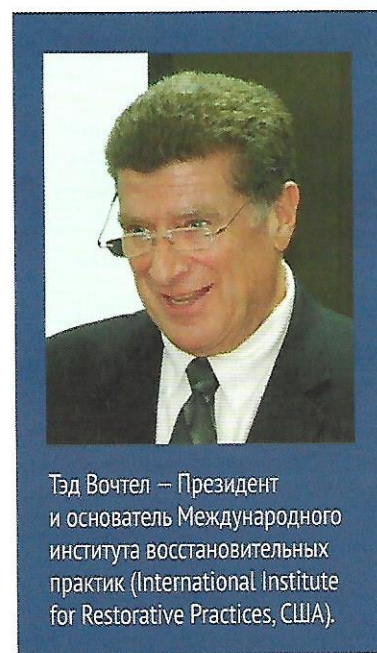
Основная объединяющая гипотеза

Международный институт восстановительных практик определил основную гипотезу, которая объединяет широкий потенциал восстановительного правосудия и предлагает решение проблемы определения этого института, достойное тщательного рассмотрения. «Люди чувствуют себя более счастливыми, более склонны к продуктивному сотрудниче-

ству и внесению позитивных изменений в своё поведение, когда представители власти действуют *вместе с ними*, а не совершают действия *в отношении них* или *для них*»¹⁰. Варианты «действий» и «совместности» могут изменяться в зависимости от обстоятельств, но *общим знаменателем для всех восстановительных практик является парадигматический сдвиг в природе управления и способе использования власти её обладателями*.

Австралийский криминалист Джон Брайтвейт (John Braithwaite) отмечает, что «наличный опыт современной демократии — это отчуждённость. Ощущение того, что всем управляет правящая элита, что мы не имеем права голоса в полном смысле слова»¹¹. Напротив, восстановительные практики служат «важнейшим средством расширения возможностей, когда в гражданском обществе появляется пространство для замены активной ответственностью преобладающей пассивной статической ответственности»¹². Вовлечение заинтересованных лиц в принятие важных решений вместо ожидания таких решений от экспертов или властей — действие *вместе с людьми*, а не *в их отношении* или *для них* — позволяет создавать социальный капитал и укреплять социальные связи»¹³.

Роб ван Паже (Rob van Pagée) описал, как семейные общие встречи (family group conference — FGC) широко применяются в Нидерландах. Предоставляя людям больше возможностей

Тэд Вочтел — Президент и основатель Международного института восстановительных практик (International Institute for Restorative Practices, США).

высказаться и больше выбора, такие восстановительные подходы способствуют появлению нового типа государства, «в котором государство отступает на задний план, а граждане обретают ответственность и проявляют свою способность решать те вопросы, которые ранее предполагали государственное вмешательство»¹⁴. Изучение семейных общих встреч показывает, что, когда семьи вовлечены в полноценное принятие решений, государственные расходы на ведение дел снижаются, а планирование становится более эффективным¹⁵.

Судья Барри Стюарт (Barry Stuart), ранее служивший в суде федеральной территории Юкон (Канада), признал ограниченность своей компетенции и экспертизы в роли судьи и счёл крайне необходимым привлечь к разрешению споров напрямую семью и общину. Он снял свою судейскую ман-

7 Wachtel, 2013a

8 Daly, 2016, 21

9 Wachtel, 2013b

10 Wachtel, 2013a, 3

11 Braithwaite and Parker, 1999

12 Braithwaite, 1999

13 Fatic, 1995; Habermas, 1996

14 Van Pagée, 2014, 7

15 Eigen Kracht Centrale, 2011, 2

тию и сошёл с судейской скамьи, чтобы собрать «круг правосудия» («sentencing circle»), в который вошли члены семьи и соседи обвиняемого, молодого коренного жителя отдалённой общины¹⁶. Большинство канадских судей отправили бы этого молодого

ли все ресурсы судебной системы»¹⁸. Стюарт здесь практически повторяет слова норвежского социолога Нильса Кристи (Nils Christie), который в своей классической статье «Конфликты как собственность» (Conflicts as property) подверг критике современ-

«Однако все эти потрясения затмеваются самой знаменательной социальной революцией, которую когда-либо переживало человечество: коллапсом семьи и местной общины и заменой их государством и рынком. Насколько мы можем себе предста-

**ЛЮБЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ, БУДЬ ТО СЕМЬИ,
ШКОЛЬНЫЕ КЛАССЫ, ОРГАНИЗАЦИИ, ТРУДОВЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ
ИЛИ ЦЕЛЫЕ СТРАНЫ, БУДУТ ФУНКЦИОНИРОВАТЬ ЛУЧШЕ,
ЕСЛИ ВЛАСТИ НА КАЖДОМ ИЗ УРОВНЕЙ ПРЕДОСТАВЯТ
ВОВЛЕЧЁННЫМ ЛИЦАМ БОЛЬШЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ВЫСКАЗЫВАТЬ
СВОЁ МНЕНИЕ И БОЛЬШЕЕ ПРАВО ВЫБОРА В ОБМЕН
НА ПРИНЯТИЕ ИМИ НА СЕБЯ БОЛЬШЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

человека в федеральное исправительное учреждение, но, после взаимодействия с общиной в указанном круге, Стюарт приговорил его к двум годам лишения свободы условно и вернул домой, договорившись о плане его поддержки со стороны других членов круга¹⁷.

Как отмечал Стюарт, вынесение приговора таким кругом означает выбор общины «засучить рукава», и в наилучших традициях гражданского общества самостоятельно решать свои проблемы. «Мы живём сейчас в краю болтовни, где никто реально ни в чем не участвует, — писал он. — Всё делается специалистами... мы исчерпа-

ные судебные системы за то, что они позволяют специалистам в области уголовного правосудия «воровать» возникающие между людьми конфликты у них самих»¹⁹.

Коллапс семьи и общины

Израильский историк Юваль Ной Харари (Yuval Noah Harari) в своём международном бестселлере «Сapiens. Краткая история человечества» (Sapiens: a brief history of humankind) приводит исторические подтверждения огульной профессионализации большинства вопросов и задач, ранее входивших в компетенцию семей и их общин.

вить, начиная с самых ранних времён, десятки тысяч лет назад люди жили в небольших тесных общинах, большинство членов которых были родственниками. Они склеивали между собой семьи и общины для создания племён, городов, государств и империй, но семьи и общины оставались основными строительными элементами всех человеческих обществ. Индустриальная революция, с другой стороны, смогла менее чем за два столетия разбить эти строительные элементы на атомы»²⁰.

Исторические изыскания Харари подтверждают давно высказанный немецким социологом Юргеном Хабермасом тезис о том, что современная «систе-

¹⁶ Leonardy, 1998

¹⁷ Duhaime, 2010

¹⁸ Libin, 2009

¹⁹ Christie, 1977

²⁰ Harari, 2015

ма» управления и бизнеса оттеснила «жизненный мир» семьи, друзей и общины. Хабермас противопоставляет эти два понятия, чтобы отобразить два соперничающих, но связанных между собой объяснения функционирования общества²¹. Система — это современное общество с администрацией, законами, политикой, экономикой, организациями и платными специалистами, тогда как жизненный мир — это сеть отношений в семье и в кругу друзей, которые, в отличие от отношений в системе, основываются не на получении денежного вознаграждения, а на заботе друг о друге. Восстановительные практики приносят жизненный мир в систему и помогают восстановить баланс между ними²².

Восстановление общины через участие

В 2006 году Департамент образования штата Пенсильвания (США) предоставил разрешение Международному институту восстановительных практик проводить обучение в рамках магистерской программы по единственной дисциплине — «Восстановительные практики». Такое решение было принято прежде всего в связи с составленным на 22-х страницах письменным обоснованием, озаглавленным «Обоснование необходимости введения новой академической дисциплины». Институт подчеркивал, что «восстановительные практики — это научная дисциплина, занимающаяся восстановлением и

развитием социального капитала, социальной дисциплины, эмоционального благополучия и гражданского участия через обучение и принятие решений посредством участия»²³.

В качестве возникающей социальной научной дисциплины восстановительные практики являются подтверждением зарождающегося всеобщего социального движения, посвящённого «восстановлению общины». В книге «Мечты о новой реальности» (Dreaming of a new reality)²⁴ многу приведено множество положительных примеров из практики школ, предпринимательства, уголовного правосудия, лечебных программ, специального образования, социальной защиты и в других областях, подтверждающих основную гипотезу, высказанную нашим Институтом. Самым значительным результатом этих исследований на сегодня является возможность построения «теории каждого», заключающейся в том, что любые социальные образования, будь то семьи, школьные классы, организации, трудовые коллективы или целые страны, будут функционировать лучше, если власти на каждом из уровней предоставят вовлечённым лицам больше возможностей высказывать своё мнение и большее право выбора в обмен на принятие ими на себя большей ответственности²⁵.

Например, Анке Зигерс и Герт Ян Слам (Anke Siegers and Gert Jan Slump) на конференции Европейского форума за восстано-

вительное правосудие 2016 года в Лейдене рассказали, как «рассмотрение в рамках общины» (Samenlevingsproces) было использовано при урегулировании дела об ожесточённо оспаривавшемся общиной закрытии одной из больниц в Нидерландах. Зигерс разделила всех заинтересованных лиц на 22 группы интересов (группы, включавшие представителей администрации больницы, страховых компаний, профсоюзов, правительства, пациентов, общины) и провела переговоры, продолжавшиеся в общей сложности 14 часов. Технологические средства позволили каждой из групп наблюдать переговоры по видеосвязи недалеко от места их проведения, так что 22 представителя, участвовавшие в переговорах, имели возможность в случае необходимости выходить к своим группам и обсуждать возникающие вопросы, а затем возвращаться в зал переговоров. Важнейшее значение для успеха переговоров имел тот факт, что групповой процесс был не совещательным, но его участники имели право заключать имеющее юридическую силу соглашение от имени своей группы интересов. В результате переговоров был выработан подробный план, подписанный всеми сторонами и позволивший в итоге снова открыть больницу²⁶.

Питер Блок (Peter Block), американский специалист по организационному развитию, создал Малую группу (A Small Group) по «восстановлению и примирению» в Цинциннати, штат Огайо, США. Вместо организации «кружков», его подход пред-

21 Habermas, 1987

22 Wachtel, 2015

23 International Institute for Restorative Practices, 2005

24 Wachtel, 2013b

25 Wachtel, 2015

26 Siegers and Slump, 2016

усматривает создание малых групп из трёх человек как часть более крупного собрания для проведения шести обсуждений, направленных на «вовлечение невовлечённых»²⁷.

Дэйвид Ван Рейбрук (David Van Reybrouck), современный бельгийский историк, автор книги «Против выборов. В поддержку демократии» (Against elections: the case for democracy)²⁸, стал инициатором «Гражданского саммита G1000» (G1000 Citizens' Summit) в Брюсселе. Тысяча граждан, большая часть которых была выбрана случайно, собрались в 2012 году для «обсуждения вопросов, связанных с улучшением демократии в Бельгии». На саммите средства массовой информации использовались для вовлечения в обсуждение тех, кто не участ-

вовал во встрече непосредственно. Ещё один «саммит G1000» был проведён в 2014 году в городе Амерсфорт в Нидерландах для решения более локальных вопросов. Ван Рейбрук объясняет, что «основная идея, стоящая за демократией, заключается в делегировании. Каждый гражданин обладает властью на протяжении только одной минуты, один раз в четыре года. Вы отдаёте свой голос и тем самым исчерпываете свою власть. Сегодня в этом больше нет необходимости»²⁹.

Заключение

Восстановительное правосудие можно определить узко или широко, в зависимости от контекста и необходимости. Однако, определённо признавая изменение к лучшему в природе

управления и власти при использовании *восстановительных практик* в качестве связующего звена между обществом и государством, мы можем констатировать, что подобные практики дают возможность объединить социальное движение, которое в противном случае может остаться фрагментированным. Действие *вместе* с людьми, а не *в их отношении* или *для них* характеризует ту «революцию», которую предсказывает Элейн Шпунгин. Когда всё делается именно в этом направлении, движение к более справедливому, демократичному и основанному на участии обществу становится реальностью, и это придаёт понятию «восстановительного правосудия» большую привлекательность. ¶

27 A Small Group, 2016

28 Van Reybrouck, 2016

29 Synthetron, 2016

Библиография

A Small Group (2016). Restoring and reconciling Cincinnati. По состоянию на 12 сентября 2016 года.

Braithwaite, J. (1999). Democracy, community and problem solving. В издании: Vermont Department of Corrections and Real Justice (ed.) Proceedings of the Building Strong Partnerships in Restorative Practices Conference, chap. 3, pp. 31—39. Bethlehem, PA: RealJustice.

Braithwaite, J. and Parker, C. (1999). Restorative justice in republican justice. В издании: G. Bazemore and L. Walgrave (eds.) Restorative juvenile justice: repairing the harm of youth crime, chap. 4, pp. 103—106. Monsey, NY: Criminal Justice Press.

Chapman, T. (2016). A new vision and strategy. Документ, представленный на ежегодном общем собрании Европейского форума за восстановительное правосудие в Лейдене 21 июня 2016 года.

Christie, N. (1977). Conflicts as property. British Journal of Criminology 17 (1): 1—15.

Daly, K. (2016). What is restorative justice? Fresh answers to a vexed question. Victims & offenders 11(1): 9—29.

Duhaime, L. (2010). The good and the bad: Judge Stuart's R. v. Moses Legace. LawMAG. Eigen Kracht Centrale (2011). State of affairs. http://www.fgcnetwork.eu/user/file/state_of_affairs_the_netherlands_2011.pdf.

Fatic, A. (1995). Punishment and restorative crime-handling: a social theory of trust. Aldershot: Avebury.

Habermas, J. (1987). The theory of communicative action. Vol. 2, Lifeworld and system: a critique of functionalist reason. Boston: Beacon Press. Translation by Thomas McCarthy of Theorie des kommunikativen Handelns.

Habermas, J. (1996). Between facts and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy. Cambridge: Polity. Translation by William Rehg of Faktizität und Geltung.

Harari, Y. N. (2015). Sapiens: a brief history of humankind. New York: Harper Collins.

International Institute for Restorative Practices (2005). Case for a new academic discipline. Submitted as part of graduate school application to Pennsylvania Department of Education.

Leonardy, M.R.J. (1998). First Nations criminal jurisdiction in Canada: the aboriginal right to peacemaking under public international and Canadian constitutional law. Saskatoon: Native Law Centre.

Libin, K. (2009). Sentencing circles for aboriginals: Good justice? National Post.

Marder, I. D. (2016). Communicating and collaborating across nations, professions and disciplines in restorative

justice. Restorative Justice 4(2): 237—246.

Shpungin, E. (2011). The restorative revolution: it's coming. Psychology Today.

Siegers, A. and Slump, G. J. (2016). Community processing: large group conflict resolution and decision making. Restorative justice: human rights and personal realities 9th International Conference of the EFRJ, Leiden.

Synthetron (2016). Интервью с Дэйвидом Ван Рейбруком. Synthetron.

Van Pagée, R. (2014). Transforming care: the New Welfare State. Newsletter of the European Forum for Restorative Justice 15(2): 7—9.

Van Reybrouck, D. (2016). Against elections: the case for democracy. London: Bodley Head.

Wachtel, T. (2013a). Defining restorative. <http://www.iirp.edu/pdf/Defining-Restorative.pdf>.

Wachtel, T. (2013b). Dreaming of a new reality: how restorative practices reduce crime and violence, improve relationships and strengthen civil society. Bethlehem PA: The Piper Press.

Wachtel, T. (2015). Restorative practices and the lifeworld: implications of a new social science. Revista de Asistencia Sociala XIX(4): 1—13.